

Киприан Николаевич Ярош

**История идеи естественного
права**

Часть 1

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Я77

Я77 **Ярош К.**
История идеи естественного права: Часть 1 / Киприан Николаевич Ярош — М.: Книга
по Требованию, 2023. — 280 с.

ISBN 978-5-521-39861-4

ISBN 978-5-521-39861-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ВВЕДЕНІЕ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Значеніе и польза изученія Исторіи Философіи права.

I.

Между науками, составляющими цѣль наукъ юридическихъ, есть одна, которая не задается цѣлью детально изслѣдовать ту или другую отдѣльную отрасль права, а имѣть въ виду прослѣдить изъ вѣка въ вѣкъ философскія усилія человѣческаго ума проникнуть въ сущность «правды и справедливости», опредѣлить критерій права. Эта наука имѣетъ въ виду воскресить для настоящаго — прошедшее, ввести современнаго человѣка въ лабораторію, въ которой, на протяженіи тысячелѣтій, мало по малу, выковывались философско-правовыя и политическія идеи и принципы. Эта наука носитъ названіе Исторіи Философіи права.

Вступая настоящимъ изслѣдованіемъ въ область этой науки, мы позволимъ себѣ небольшое предисловіе, съ цѣлью выяснить себѣ значеніе и пользу ея изученія. Едва-ли означенное уясненіе можетъ почестся несвоевременнымъ ¹⁾).

¹⁾ Cp. ср. Vacherot: «Les trois états de l'esprit humain, selon l'école positiviste». Revue d. D. M. августъ 1890 г.

Настоящее полустолѣтіе составляетъ эпоху окончательной, рѣшительной битвы между новымъ направлениемъ науки, между новымъ пониманіемъ ея задачъ и пріемовъ и направлениемъ и пониманіемъ старымъ. Новое одержало побѣду. Началось горячее преслѣдованіе противника. И тутъ-то, въ пылу борьбы, побѣды и преслѣдованія, нѣсколько позабыты, кажется, должныя предѣлы справедливости. Самое имя ниспровергнутаго соперника разгоряченный побѣдитель готовъ сдѣлать позорнымъ, все дѣло его готовъ объявить сплошнымъ заблужденіемъ, ошибкой, порожденіемъ излишне-смѣлой фантазіи.

Если это такъ, если наше философское прошедшее есть нашъ грѣхъ, то и Исторія Философіи вообще и Исторія Философіи права въ частности будетъ ни чѣмъ инымъ, какъ исторіей грѣха нашей мысли. Конечно, и при такомъ ея пониманіи нельзя отвергать извѣстную пользу ея изученія: знаніе ошибокъ совершенныхъ служить предостереженіемъ на будущее время. Но, очевидно, эта польза есть польза только отрицательная. Прежде чѣмъ помириться съ такимъ взглядомъ на значеніе Исторіи Философіи, нужно провѣрить послышки, изъ которыхъ вытекаетъ этотъ взглядъ.

Едва-ли есть необходимость останавливаться долго на мнѣніи (имѣющемъ не мало сторонниковъ въ нашей современности), относящемся враждебно къ «философскимъ отвлеченностямъ» по недоразумѣнію, касательно вопроса объ истинной *практичности* науки. Требуя отъ науки простаго нанизыванія наблюденій съ коммерческими цѣлями ежедневнаго обихода, сводя ея значеніе до степени слуги нашихъ обыденныхъ потребностей, естественно придти къ идеѣ выбросить вонъ, за бортъ науки, весь ея философскій элементъ. Къ чему, напримѣръ, въ юриспруденціи усилія постигнуть сокровенный источникъ справедливости, стараніе объяснить мѣрило права и неправа, когда жизнь лишь требуетъ того, чтобы полиція бодрствовала, а судья ямѣлъ въ готовности, на каждый данный случай, надлежащую статью закона. Но дѣло въ томъ, что наука имѣетъ

свою самостоятельную сферу дѣятельности, спускаясь съ которой, она перестаетъ быть наукою, — спускаясь съ которой, юриспруденція становится лишь усвоеніемъ дѣйствующаго права, и можетъ производить законниковъ, но не юристовъ ²⁾).

Нельзя отрицать практическое значеніе науки, но — предостерегаетъ О. Контъ — гораздо важнѣе и прямѣе другое ея значеніе — значеніе, по отношенію къ уму нашему, которому присуща потребность знанія законовъ явленій; потребность столь могущественная, что за недостаткомъ ея удовлетворенія, умъ человѣческій измышляетъ мнимыя рѣшенія гнетущихъ вопросовъ. Пожертвуйте цѣлями теоретическими цѣлямъ практическимъ — и вы пресѣчете нить развитія умственной дѣятельности, и сверхъ того, потерпите ущербъ въ тѣхъ самыхъ цѣляхъ, ради которыхъ приносите жертву. Самые важные случаи приложенія знанія къ практикѣ основываются постоянно на теоріяхъ, вырабатываемыхъ съ чисто-научными цѣлями и часто, въ теченіи вѣковъ, остающихся безъ приложенія. «Матросъ, спасаемый отъ крушенія точнымъ опредѣленіемъ долготы, обязанъ жизнью теоріи, возникшей 2000 лѣтъ назадъ въ умѣ гениальныхъ людей, имѣвшихъ въ виду одни только метафизическія умозрѣнія» ³⁾).

²⁾ Пр. Муромцевъ. «Очерки общей теоріи Гражданскаго права», I: «Односторонность исторической школы вызвала въ послѣднее время не менѣе одностороннее практическое направленіе, отказывающееся глядѣть за предѣлы настоящаго, близкое къ тому, чтобы ограничить всю дѣятельность юриспруденціи одною догмою. (Это направленіе — справедливо замѣтилъ пр. Муромцевъ — въ современной русской литературѣ пользуется особенною популярностью). Но ни одно историческое или догматическое изслѣдованіе о правѣ, если только оно не заключается въ простомъ изложеніи фактовъ, въ критикѣ источниковъ или разрѣшеніи казуальныхъ вопросовъ, не можетъ, безъ ущерба для своего успѣха, обойтись безъ помощи такъ называемаго философскаго элемента... Развитіе всѣхъ наукъ началось со стадій, на кот. умственная дѣятельность руководится непосредственными практическими побужденіями, но затѣмъ всюду она стремится къ той формѣ, гдѣ польза, оставаясь результатомъ, перестаетъ быть исключительнымъ побужденіемъ, уступая мѣсто любознательности» (стр. 191—193).

³⁾ О. Контъ, Курсъ Полож. Филос. (изд. Литтра 69 г.) I, 52—3. Въ такомъ же смыслѣ высказывается, между прочимъ, Д. Паджъ («Философія

Въ силу сказаннаго, мы обойдемъ одностороннюю точку зрѣнія ультра-практиковъ и подвинемся ближе къ занимающему насъ вопросу.

Существуетъ одна весьма талантливо написанная Исторія Философіи, имѣющая спеціальную цѣлью — вызвать отвращеніе къ философіи. Мы подразумеваемъ сочиненіе покойнаго Д. Г. Льюиса, въ предисловіи къ которому читаемъ слѣдующее: «Съ каждымъ днемъ крѣпнеть убѣжденіе въ томъ, что философія, по самому существу своихъ стремленій, представляетъ собою нѣчто въ родѣ безвыходнаго лабиринта, въ которомъ ея усталые ревнители осуждены вѣчно блуждать по однѣмъ и тѣмъ же извилистымъ тропинкамъ, и зная притомъ, что ихъ предшественники не могли найти себѣ выхода». «Если моя Исторія — прибавляетъ Льюисъ — можетъ претендовать на какую либо заслугу, то по крайней мѣрѣ на ту, что она заявляетъ горячее одобреніе возрастающему пренебреженію къ философіи и возрастающему предпочтенію къ наукѣ» ⁴). Содержаніе книги вполне соотвѣтствуетъ предисловію. Невозможно подыскать лучшій образчикъ упомянутаго выше боеваго отношенія къ дѣлу. Всѣ представители старой философіи одинъ за другимъ подвергаются горячей атакѣ, вскрываются ихъ слабыя стороны, противорѣчія, и удивленному зрителю, въ концѣ концовъ, дѣй-

Геологіи», 116): Къ чему знать, когда появился человѣкъ? 6 или 60000 лѣтъ назадъ? — То же можно сказать и о большей части вопросовъ, занимающихъ науку. Эти вопросы не могутъ имѣть никакого непосредственнаго значенія для практической жизни; но они такъ тѣсно связаны со всею нашею умственной дѣятельностью, что образованные люди положительно не могутъ удержаться отъ желанія рѣшать ихъ. Потребности ума сильнѣе, чѣмъ потребности тѣла, а цѣль ихъ просто знаніе, хотя бы это знаніе не доставляло никакой непосредственной или личной матеріальной пользы. Притомъ факты природы такъ связаны, что трудно предугадать результаты (полезности). — Г. Спенсеръ, въ ст. Генезисъ науки: «Значеніе истинъ часто бываетъ соразмѣрно широтѣ ихъ общности. Какъ бы онѣ ни казались далекими отъ практическаго примѣненія, высочайшія обобщенія бывають нерѣдко наиболѣе могущественными въ своихъ дѣйствіяхъ, въ силу вліянія на тѣ подчиненныя обобщенія, кот. управляютъ практикой». — Ср. также рѣчь пр. Гельмгольца, чит. въ день основ. Берл. Унив. 3 авг. 78 г. («Факты въ воспріятіи», стр. 5).

⁴) Д. Г. Льюисъ. «Исторія Философіи», стр. I и XXV.

ствительно кажется, что въ XIX вѣкѣ «мы стоимъ тамъ же, гдѣ и въ V-мъ до Р. Х.», что человѣческая мысль родилась «сегодня» и что «вчера» для нея не существуетъ. Историкъ философіи остается, слѣдовательно, лишь грустная задача — подбирать «утраченные надежды» и обозрѣвать широкое темное поле безцѣльныхъ блужданій ⁵⁾. Противъ такого и подобныхъ ему одностороннихъ взглядовъ лучшую точку опоры даетъ 1) внимательное разсмотрѣніе истиннаго соотношенія между старой наукой и новой, и 2) тщательное опредѣленіе мѣста, которое занимали философы между факторами человѣческаго прогресса.

II.

Когда О. Контъ окинулъ своимъ глубокимъ взглядомъ панораму развитія человѣческаго знанія, то, какъ извѣстно, онъ различилъ весьма отчетливо въ этой панорамѣ три, взаимно связанные и естественно другъ друга смѣняющія картины ⁶⁾. Въ первой полѣ человѣческаго знанія занято многочисленными всецѣльными, сверхъестественными существами, которыхъ прямая и непрерывающаяся дѣятельность производитъ всѣ явленія, а произвольное вмѣшательство объясняетъ всѣ кажушіяся аномаліи вселенной. На второй картинѣ сверхъестественные дѣятели, обращаясь въ тѣни, отходятъ въ сторону. Полемика человѣческаго знанія овладѣваютъ отвлеченныя понятія, сущности, субстанціи, то *ὄν*, *οὐσία*, *Ens*, *Entitas*, *Essentia*. Боги уступаютъ мѣсто отвлеченнымъ силамъ, присущимъ различнымъ существамъ міра. Эти силы представляются способными самобытно производить всѣ на-

⁵⁾ Д. Р. Льюисъ, *ibid.* стр. VIII. Вслѣдствіи Льюисъ въ значительной мѣрѣ измѣнилъ свое мнѣніе, въ чемъ мы будемъ имѣть случай убѣдиться ниже.

⁶⁾ О. Контъ. Курсъ Пол. Фил. I, 12—13. Ошибочно однакоже видѣть въ этихъ трехъ ступеняхъ званія рѣзко отдѣленные историческія эпохи.

блюдаемыя явленія, такъ что объясненіе этихъ явленій заключается ни въ чемъ иномъ, какъ въ приурочиваніи каждому изъ нихъ соотвѣтствующей сущности. Наконецъ, на третьей картинѣ, представляющей новую, современную эпоху, знаніе ставитъ себѣ единственную цѣлью — открытіе дѣйствительныхъ законовъ явленій, другими словами — уясненіе ихъ неизмѣнныхъ отношеній послѣдовательности и сходства. Правда, дѣятели предшествующей стадіи знанія еще не вполне уничтожены. Отъ времени до времени, они проскользаютъ въ область новой эпохи, и здѣсь, прикрываясь маской именъ, звучащихъ вполне «научно», на примѣръ «электричество» ⁷⁾, «сила» ⁸⁾, «законъ природы» ⁹⁾, пытаются воскресить свое утерянное владычество. Но представители правотѣрной науки бодрствуютъ на стражѣ и немедленно вскрываютъ инкогнито чуждыхъ пришельцевъ.

⁷⁾ Г. Спенсеръ, Основанія социологіи, I, 116: «Часто можно слышать въ образованномъ обществѣ объясненіе какого нибудь малознакомаго факта выраженіемъ: «это — слѣдствіе электричества». Умственное напряженіе получаетъ достаточное облегченіе, когда къ наблюдаемому результату присоединяется въ мысли это нѣчто, нѣмѣющее имя, хотя при этомъ не имѣется никакого понятія о томъ, что такое въ дѣйствительности это нѣчто, а также нѣтъ даже отдаленнѣйшей идеи о томъ, какимъ образомъ это нѣчто могло произвести данный результатъ.

⁸⁾ П. Г. Тэтъ, Лекція о Силѣ (читанная въ Общ. Натуралистовъ въ Глазгоу 8 сент. 1876 г.): «Намъ то и дѣло приходится читать о такъ называемыхъ «физическихъ силахъ» — теплотѣ, свѣтѣ, электричествѣ и т. д., о «соотношеніи физическихъ силъ», о «постоянствѣ или сохраненіи силы». Для точнаго ученаго всѣ подобныя выраженія полны путаницы и ошибокъ, они ведутъ отъ хроническаго заблужденія къ острымъ ошибкамъ. Нѣтъ основанія возставать противъ выраженій въ родѣ «силы привычки», «силы природы», «силы обстоятельствъ». «Сила общественнаго мнѣнія». Но если приходится читать, что «сила» ядра отъ орудія въ 81 тонну достигла въ концѣ концовъ необычайной величины въ 1450 футовъ, что вода въ паровикѣ «Thunderer'a» должна производить въ секунду времени «силу», достаточную для поднятія 2000 тоннъ на одинъ футъ высоты, — то тутъ нельзя не видѣть самаго непроизволительнаго злоупотребленія словами. Сила не болѣе, какъ условный терминъ, употребляемый пока (и съ большой пользой) для сокращенія слишкомъ сложныхъ опредѣленій. Но вслѣдствіе этого ее отнюдь не слѣдуетъ рассматривать какъ вещь, подобно тому, какъ величину процентовъ (2, 2¹/₂, 3%) нельзя считать денежной суммой.

⁹⁾ Г. Льюисъ, Фил. наукъ О. Конта, стр. 65. «Выраженіемъ «законъ природы» являя чисто абстрактная сущность *придается* явленіямъ. Въ такомъ смыслѣ это понятіе продуктъ метафизики.

Таковы три стадіи, пройденныя умственною дѣятельностью человѣчества и указанныя О. Контомъ: теологія, метафизика и положительная наука. Представляютъ ли двѣ первыя эпохи печальное зрѣлище тщетно загубленныхъ силъ, напрасно потраченного времени? Несмотря на всевозможные недостатки теологіи и метафизики, выставленные ярко въ новѣйшее время, мы должны отвѣтить отрицательно.

Нѣтъ сомнѣнія, что всякое солидное воззрѣніе, всякая основательная теорія должны опираться на наблюденія дѣйствительныхъ явленій, но не менѣе несомнѣнно и то, что для возможности наблюденій необходима какая бы то ни была теорія. Если у насъ нѣтъ никакого предварительнаго представленія о массѣ фактовъ, подлежащихъ нашему наблюденію, то мы принуждены остановиться на порогѣ нашего изслѣдованія, удержанные множествомъ затрудненій. Мы не знаемъ съ чего начать наблюденіе, мы не можемъ ориентироваться въ пестротѣ окружающихъ данныхъ, мы не имѣемъ вопросовъ пунктовъ, которые могли бы предложить допрашиваемой массѣ явленій. Вотъ почему — замѣчаетъ О. Контъ — разумъ человѣка, поставленный между необходимостью наблюдать, чтобы имѣть теорію, и имѣть теорію, чтобы наблюдать, былъ заключенъ, при своемъ рожденіи, въ заколдованный кругъ, изъ котораго онъ не нашелъ бы выхода, если бы выходъ этотъ счастливымъ образомъ не открылся въ свободномъ развитіи супро-натуралистическихъ концепцій ¹⁰⁾.

Эти воззрѣнія дали толчекъ, открыли необходимый пунктъ дальнѣйшихъ изслѣдованій, — и въ этомъ смыслѣ существованія и заслуга теологической эпохи знанія.

Метафизика замѣнила сверхъестественныхъ дѣятелей раціоналистическими понятіями. Такимъ образомъ, благодаря метафизикѣ, человѣческій умъ пересталъ прислушиваться къ смутнымъ звукамъ, идущимъ откуда-то извнѣ,

¹⁰⁾ О. Контъ. *ibid.*, стр. 12.

и получили привычку всматриваться въ ходъ явленій дѣйствительнаго міра, хотя пока еще подъ своеобразнымъ угломъ зрѣнія. Недостатки этого угла зрѣнія не отнимаютъ однакоже цѣны у дѣла метафизики. Ея взглядъ — замѣчаетъ Д. С. Милль — не былъ извращеніемъ положительнаго взгляда, а преобразованиемъ теологическаго; реализація отвлеченій была не простымъ воплощеніемъ слова, а постепеннымъ устраненіемъ воплощеній фетишизма ¹¹⁾. Отсюда слѣдуетъ, что метафизика дѣйствительно «соединила края пропасти, лежащей между сверхъестественностью и позитивизмомъ, и что безъ нея человѣчество не могло бы двигаться впередъ, такъ какъ *natura non agit per saltum*» ¹²⁾.

Все солидное обвиненіе противъ метафизики заключается въ двухъ пунктахъ: первый недостатокъ ея состоитъ въ томъ, что она, желая объяснить явленія дѣйствительности, вращалась въ мірѣ логическихъ отвѣченостей; второй недостатокъ — стремленіе проникнуть причины и сущности, которыя на самомъ дѣлѣ недоступны познанію ¹³⁾. Другими словами: метафизика погрѣшала въ методологическомъ отношеніи изслѣдованія и имѣла преувеличенное мнѣніе о силахъ человѣческаго разума. Коренное основаніе, душа новѣйшей положительной науки, состоитъ ни въ чемъ иномъ, какъ именно въ исправленіи указанныхъ двухъ пунктовъ. — Познавъ дѣйствительные предѣлы своего могущества, эта наука беретъ въ свое вѣдѣніе предметы въ томъ лишь видѣ, въ какомъ они намъ представляются. «Истинный ея приверженецъ — говоритъ Спенсеръ — убѣжденъ, въ одно и то же время, и въ величій, и въ ничтожности человѣческаго разума, — въ его владычествѣ надъ всѣмъ, что входитъ въ предѣлы опыта, въ его немощи во всемъ, что лежитъ за ними. Онъ чувствуетъ живѣе чѣмъ кто

¹¹⁾ Д. С. Милль, О. Контъ и позитивизмъ, стр. 19.

¹²⁾ Г. Льюисъ, Философія наукъ О. Конта, стр. 58.

¹³⁾ Г. Льюисъ, Вопросы о Жизни и Духѣ, стр. 63.

нибудь полную непостижимость самаго простѣйшаго изъ фактовъ, разсматриваемаго въ самомъ себѣ. Онъ одинъ истинно видитъ, что абсолютное знаніе невозможно; онъ одинъ знаетъ, что подъ всѣми вещами скрывается непроницаемая тайна» ¹⁴⁾. Это раздѣленіе возможнаго и невозможнаго, безъ сомнѣнія, чрезвычайно важно для отчетливаго опредѣленія объекта научныхъ изслѣдованій; но это раздѣленіе требуетъ величайшей осторожности для обращенія съ собою. Такая осторожность замѣтна во всѣхъ изслѣдованіяхъ лучшихъ представителей науки, никогда не предъявляющихъ претензіи собственныя силы полагать мѣриломъ силъ человѣчества ¹⁵⁾. Въ противномъ случаѣ, безъ надлежащей осмотрительности употребляемое различіе возможнаго и невозможнаго является удобнымъ орудіемъ «умственной лѣности» всякаго рода и отгѣнка. «Стоитъ только лектору — прекрасно говорить по этому поводу Льюисъ — сказать (а онъ часто бываетъ вынужденъ говорить это): здѣсь останавливается наука, далѣе мы идти не можемъ, за этими предѣлами лежитъ тайна, передъ которой мудрѣйшій философъ оказывается не умнѣе ребенка, — и тотчасъ-же раздается взрывъ рукоплесканій. Безчисленное количество рукъ и ногъ громко выражаетъ одобреніе; польщенное невѣжество дышетъ свободнѣе и многозначительно качаетъ головою: «А что, видите, здѣсь наука безсильна; наперекоръ ея громкимъ притязаніямъ, есть такія тайны, въ которыя она не можетъ проникнуть» ¹⁶⁾.

Ничего нѣтъ удивительнаго въ томъ, что мысль старыхъ философовъ, еще не умудренная опытомъ, перелетала нерѣдко предѣлы, положенные полю человѣческаго зрѣнія. Они повиновались великому призыву къ свѣту, великой жадѣ полнаго знанія, — этой благородной чертѣ

¹⁴⁾ Спенсеръ въ ст. О прогрессѣ.

¹⁵⁾ См., напр., заключеніе книги Тэна Объ умѣ: «Если я останавливаюсь, то лишь чувствую свою недостаточность: я вижу предѣлы своего ума, но не вижу предѣловъ ума человѣческаго».

¹⁶⁾ Льюисъ, Вопросы о Жизни и Духѣ, стр. 21.

человѣческаго духа, дающей знать о себѣ и въ настоящее время, хотя бы, наприимѣръ, въ томъ «поучительномъ фактѣ», о которомъ упоминаетъ Льюисъ, говоря: «Даже нѣкоторые изъ великихъ вождей науки, стоя на триумфальныхъ колесницахъ въ виду рукоплещущей толпы, то и дѣло бросаютъ тоскливые взгляды на эти темные пути запретнаго изслѣдованія, и ихъ тревожитъ тайное опасеніе, что эти пути, можетъ быть, выведутъ современемъ на широкія равнины. Они не могутъ сохранять полного спокойствія при мысли, что иные умы, безспорно великіе, сознательно отрекаются отъ вѣрной славы научнаго труда для туманнаго величія метафизики» ¹⁷⁾).

Если же мы взглянемъ на упомянутую чрезмѣрную умственную отвагу старыхъ философовъ съ утилитарной точки зрѣнія нашихъ выгодъ, нашей пользы, — то, конечно, должны будемъ сказать, что въ этомъ отношеніи потомки обязаны глубокой благодарностью предкамъ. Безъ этой чрезмѣрной отваги, наши силы никогда не достигли бы развитія, на которое онѣ способны; безъ этихъ грандіозныхъ цѣлей, намъ пришлось бы долго ждать осуществленія нашихъ скромныхъ цѣлей; «безъ химерическихъ порывовъ астрологій, безъ энергической настойчивости алхимиковъ, откуда бы мы взяли необходимую твердость и рвеніе для долгаго пути собиранія наблюденій и опытовъ, послужившихъ позднѣе основаніемъ первымъ положительнымъ теоріямъ того и другаго класса явленій?» ¹⁸⁾).

III.

Второй пунктъ преимущества новой науки заключается въ ея умѣнii вести изслѣдованіе, оперировать научными приѣмами. Она направляетъ на объектъ своего

¹⁷⁾ Льюисъ, *ibid.*, стр. 7.

¹⁸⁾ О. Контъ, *ibid.*, стр. 13, 15.